

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.45.25>**СУБЪЕКТНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ В СТРУКТУРЕ МЕДИАФРЕЙМА «КИБЕРПРОСТРАНСТВО»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

Научная статья

Имамгаязова Д.И.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-5740-1951;¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (diana.imamgaiazova[at]gmail.com)

Аннотация

Применение когнитивного подхода в медиалингвистике позволяет описать процессы (ре)конструирования смыслов в массовой коммуникации через фреймы. Данный метод особенно актуален для исследования процесса формирования стереотипных знаний о новых социальных практиках, транслируемых через средства массовой коммуникации. Впервые упоминаемые в русскоязычных СМИ ещё в 1980-х годах, феномены из сферы кибертехнологий к настоящему моменту прочно вошли в глобальную новостную повестку. Построение фреймовой модели «Киберпространство» на базе текстов русскоязычных СМИ и анализ наиболее частотных вариантов заполнения её слотов позволяет выявить универсальные и лингвоспецифические черты этого медиафрейма. К последним относится развитая субъектная семантика, получившая языковое выражение через специфические лексические единицы, называющие различные типы субъектов в поле киберпространства.

Ключевые слова: медиалингвистика, когнитивная лингвистика, медиафрейм, фреймовая семантика.

**A SUBJECTIVE COMPONENT OF MEANING IN THE STRUCTURE OF THE MEDIA FRAME "CYBERSPACE"
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA)**

Research article

Imamgaiazova D.I.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-5740-1951;¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

* Corresponding author (diana.imamgaiazova[at]gmail.com)

Abstract

The application of the cognitive approach in media linguistics allows to describe the processes of (re)construction of meanings in mass communication through frames. This method is particularly relevant for the study of the process of forming stereotypical knowledge about new social practices broadcast through mass communication media. First mentioned in the Russian-language media back in the 1980s, cyber-technology phenomena have now become an integral part of the global news agenda. The construction of the "Cyberspace" frame model on the basis of Russian-language media texts and the analysis of the most frequent variants of filling its slots allows to identify universal and linguospecific traits of this media frame. The latter includes the developed subject semantics, which is expressed through specific lexical units naming different types of subjects in the cyberspace field.

Keywords: media linguistics, cognitive linguistics, media frame, frame semantics.

Введение

В современном обществе массмедиа играют ключевую роль в популяризации новых технологий среди широкой аудитории, реализуя тем самым образовательную и ценностную функции. Путём фреймирования событий из сферы науки и инноваций СМИ формируют стереотипные знания о технологических инструментах, их значении в жизни общества. Обыденное представление об информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) неразрывно связано с презентацией в СМИ, поскольку основная часть массовой аудитории не имеет специальных знаний о них, но при этом активно вовлекается в их применение в силу высокой значимости освоения ИКТ для партнёрского взаимодействия и конкуренции на международной арене.

Отказ от внедрения ИКТ может привести к отставанию в экономическом развитии и другим ограничениям для отдельных сообществ, поэтому изучение механизмов концептуализации и трансляции знаний о киберпространстве становится актуальной задачей не только для технических, но и социо-гуманитарных дисциплин. Теория медиафрейма представляется продуктивной для исследования роли СМИ в формировании знаний о киберпространстве. При этом более полную картину явления можно представить, комбинируя подходы лингвокогнитологии и медиалингвистики: в частности, задействуя лексико-семантический анализ ключевых единиц, выражающих концептуальную модель на языковом уровне фрейма. Отдельного внимания заслуживает субъектный компонент в структуре значения «Киберпространства», который в русскоязычном медиадискурсе представлен более явно, чем в глобальном новостном дискурсе, формируемом под влиянием англоязычных СМИ.

Методы и принципы исследования

Термин «фрейм» вошёл в поле исследования медиакommunikаций в связи с работами социального антрополога Г. Бэйтсона, который разграничивал два аспекта этого понятия:

- 1) фрейм как когнитивная единица, которая предстаёт в виде модели интерпретации и оценки информации;
- 2) фрейм как коммуникативная единица, которая содержит данные, необходимые для понимания вербальных и невербальных коммуникативных актов [4].

У. Гамсун и Д. Модильяни отмечают, что фреймы во втором значении возможно выделить во любых связанных текстах [9]. Если же сам «текст» рассматривается как набор связанных концептуальных элементов, то коммуникативные фреймы присущи всем новостным текстам [10]. Такого подхода придерживаются У. Крид, понимающий медиафрейм как центральный унифицирующий концепт, обеспечивающий интерпретацию медиасобытия [5, С. 137], и Р. Энтман, изучивший коммуникативные функции медиафрейма: упрощение идентификации, понимания и запоминания ключевых проблем репортажа для массовой аудитории [6], [7], [8].

Данный подход во многом определяет выбор эмпирического материала для исследования, поскольку не каждый фрагмент публичного дискурса предстаёт в форме связного текста. Подходящим материалом для анализа в русле теории медиафрейма служат тексты с выраженной прагматической направленностью: новостная и политическая журналистика, выступления публичных персон, материалы PR и рекламы, а также управляемые кампании в социальных медиа. Для изучения фрейма «Киберпространство» в русскоязычном медиадискурсе использовалась выборка текстов СМИ из Национального корпуса русского языка (НК РЯ), Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИК РЯ) и Интернет-корпуса русского языка Университета Лидса (ИК РЯ). Для сопоставления процессов в дискурсе русскоязычных СМИ с тенденциями в глобальной повестке рассматривались статьи о киберпространстве на английском языке из корпуса NOW (News on the Web).

Полученная текстовая выборка изучена с помощью количественно-качественного метода по следующим этапам:

- 1) контент-анализ, выявляющий статистику словоупотребления, воспроизводимости лексем и словосочетаний;
- 2) фреймовое моделирование на основе трендов в связанном словоупотреблении, позволяющее разграничить облигаторные и факультативные слоты, типовые варианты заполнения;
- 3) сопоставление фреймовых моделей в русскоязычной и англоязычной выборках для выявления универсальных и специфических компонентов фрейма.

При всех преимуществах метода для построения валидной модели представления знаний в поле массовой коммуникации, он обладает и некоторыми ограничениями. В частности, фрейм не охватывает полное многообразие языковых значений: единичные случаи словоупотребления рассматриваются как варианты заполнения слота более высокого уровня, а не самостоятельные концептуальные единицы.

Основные результаты

На глубинном уровне фрейма «Киберпространство» актуализируются когнитивные модели отношений (само)управления и пространственного восприятия. Эти исходные модели достаточно подробно изучены лингвистами. Так, в качестве вершинных компонентов для фрейма «Управление» Ю.А. Дрыгина выделяет объект, предикат и субъект, обладающий обязательными признаками наличия властных полномочий и ответственности за свою управленческую деятельность [3, С. 9]. Факультативными признаками исследователь считает цели, способы, средства, время и места реализации такой деятельности, а отличительной содержательной характеристикой процесса управления – его социальную природу [3, С. 9]. Когнитивную структуру фрейма «Киберпространство» также возможно описать через пропозициональную модель, в которой вершинными компонентами выступают субъект, предикат и место с облигаторным признаком расположения в координатах нефизического коммуникативного пространства. К терминальным компонентам относятся конкретизаторы предикативных значений: способ, инструмент, цель и результат, продолжительность и атрибуты деятельности в киберпространстве.

Из-за присутствия пространственной метафоры в значении термина «Киберпространство» возможно предположить, что наибольшее число вариантов заполнения получит слот «Место». Однако в русскоязычной выборке выявлена преобладающая группа лексических единиц, которые актуализируют когнитивную модель через субъектную семантику. Среди вариантов заполнения выделяются три тематических кластера:

- 1) киберпрофессионалы (специалисты профессий, связанных с деятельностью в киберпространстве);
- 2) киберлюди (группы лиц, действующие в киберпространстве вне деловых задач);
- 3) киберорганизмы (одушевленные субъекты, способные присутствовать в киберпространстве и, особенно, взаимодействовать с ним через искусственную часть тела).

Наряду с названными выше группами, в текстах русскоязычных СМИ о киберпространстве позицию семантического субъекта также могут занять «программы» (особенно, «вирусы»), «роботы» и «искусственный интеллект / ИИ». Отнесение этих единиц к слоту «Субъект» во фреймовой модели противоречит ранее принятым в отечественной лингвокогнитологии категориальным критериям: субъект характеризуют признаки намеренности (осознанности), активности и одушевленности [2]. В силу априорного отсутствия у ИИ одушевленности и намеренности (по меньшей мере, на современном этапе) эти группы значений не отнесены к вариантам заполнения слота «Субъект». Таким образом, субъект содержательно отождествляется с одушевленными лицами, обладающими доступом в киберпространство и возможностью осуществлять в нём активную и намеренную деятельность.

В кластер «киберпрофессионалы» включены номинации субъектов, профессиональная деятельность которых связана со средой киберпространства. К самым воспроизводимым единицам кластера относятся *киберпреступник* (частотность словоупотребления: 0,2), и *киберсолдат* (0,048) и *киберспортсмен* (0,043); *киберэксперт* / *киберлюбитель* (0,016). С более низкой частотностью употребляются такие языковые единицы как *киберартист*, *кибермузыкант* и *киберкумир* (по 0,004). Наибольшее разнообразие лексических единиц наблюдается в подклассе «киберпреступник», включая более распространённые формы: *кибержулик*, *кибермошенник*, *киберхулиган* (по 0,02), единичные варианты *кибербандит* и *киберграбитель*. Схожий кластер присутствует в англоязычном медиадискурсе с

наиболее распространёнными единицами *cybercontractor* (6,93), *cyberexpert* (6,16) и *cyberagency / -agent* (3,9), а также менее частотными *cyberathlete*, *cyberprofi* и *cyberpoet*.

Кластер «киберлюди» представлен такими номинативными единицами, как *киберчеловек / киберлюди* (частотность: 0,02), *киберпартнёр* (0,012), *кибердети / кибермолодёжь* (0,008) и *киберподруга* (0,004). Данный компонент в нашей выборке является специфическим для русскоязычных СМИ: в англоязычном корпусе медиатекстов NOW аналоги не выявлены. В номинации «киберлюдей» активно задействованы авторские неологизмы, некоторые из которых постепенно входят в медиадискурс. Примеры употребления: «Представитель этого поколения является “киберчеловеком”, умеющим использовать “цифру” во всех сферах деятельности» [05.11.2020]; «Кибердети оказываются даже психологически не готовы к жизни в не виртуальном мире» [28.01.2012]; «Киберпартнёр поможет сохранить отношения с реальным сексуальным партнёром» [27.07.2020].

При этом в последние годы тенденция словоупотребления смещается к использованию неологизма «киберчеловек» в отношении обладателя кибернетических протезов, что сближает лексему с **кластером «Киберорганизм»**. В 2000-х годах этот кластер в текстах русскоязычных СМИ пополнял преимущественно вошедший в основной словарь термин *киборг* (частотность: 0,012) и его производные, которым ранее могли охарактеризовать обладателей протезов, но в настоящее время это словоупотребление вытесняется из повестки. Примеры к сравнению: «Родился первый **киборг**: у магаданца целых две пары киберрук» [24.06.2011] против «Вместе с искусственной рукой ему выдали брошюру, в которой приглашают вступить в “Академию киберлюдей”» [16.06.2023]. Наряду с этим в медиатекстах используются неологизмы, указывающие на кибернетическую часть тела: *киберрука* (0,008), *кибермозг*, *киберглаз* и *киберухо* (по 0,004), а также указывающих на животных, задействованных в тестировании технологии: *киберптица*, *кибергорилла* и *киберрыба*. Схожие единицы редко встречаются в англоязычных СМИ, обычно относятся к художественным персонажам (*cyborg*, *cyberman / -woman*) или робототехнике (*cyberdog*).

Заключение

Хотя в современном русском языке основа «кибер-» почти утратила связи с исходным греческим корнем «гиберно-», в когнитивной модели фрейма «Киберпространство» чётко проявляется субъектная семантика. В отличие от физического мира киберпространство является средой, познаваемой сугубо через субъектное восприятие. Представленность субъектой семантики в структуре фрейма носит универсальный характер, а вариативность её языкового выражения специфична для русскоязычного медиадискурса. В корпусе NOW вариантов лексем для субъектов киберпространства заметно меньше, чем в медиатекстах из корпусов русского языка, хотя в англоязычных новостях частотность их упоминания на порядок выше. Эта диспропорция отчасти объясняется большей освоенностью темы в мировых новостях и меньшим объёмом русскоязычного корпуса.

С позиции лингвокультурологии эту особенность можно трактовать в русле теории Л.В. Балашовой и В.В. Дементьева, которые выявили в русскоязычной коммуникации тренд к смещению фокуса внимания от смыслового плана к личностной сфере коммуникантов, что получило наименование «фатической центрбежности» [1, С. 139]. Адаптируя фреймы из глобальной повестки, российские СМИ не прибегают к полному калькированию иноязычных терминов, а создают новые номинативные единицы по лексико-словообразовательным моделям русского языка: с вниманием к межличностному общению в виртуальной среде, где взаимодействуют *кибермолодёжь*, *киберподруги*, *киберпартнёры* и т.д. Напротив, для глобальных новостных СМИ, опирающихся на англосаксонские традиции в журналистике, характерна фактуальность репортажей, избегание оценочности и субъективности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Балашова Л.В. Русские речевые жанры: монография / Л.В. Балашова, В.В. Дементьев. — М.: ИД ЯСК, 2022. — 832 с.
2. Болдырев Н.Н. Категория подлежащего с прототипической точки зрения / Н.Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2002. — Вып. 3. — С. 71-84.
3. Дрыгина Ю.А. Репрезентация фрейма «Управление» глагольными лексемами современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дрыгина Юлия Анатольевна. — Белгород, 2007. — 22 с.
4. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind / G. Bateson. — N. Y.: Ballantine Books, 1972. — 541 p.
5. Creed W.D. A Picture of the Frame: Frame Analysis as Technique and as Politics / W.D. Creed, J.A. Langstraat, M.A. Scully // Organizational Research Methods. — 2002. — Vol. 5 (1). — P. 34-55.
6. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R.M. Entman // Journal of Communication. — 1993. — Vol. 43 (4). — P. 51-58.
7. Entman R.M. Media Framing Biases and Political Power: Explaining Slant in News of Campaign 2008 / R.M. Entman // Journalism. — 2010. — Vol. 11 (4). — P. 389-408.
8. Entman R.M. Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and US Foreign Policy / R.M. Entman. — Chicago: University of Chicago Press, 2004. — 229 p.

9. Gamson W.A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach / W.A. Gamson, A. Modigliani // *American Journal of Sociology*. — 1989. — Vol. 95 (1). — P. 1-37.
10. Van Dijk T.A. *News as Discourse* / T.A. van Dijk. — N. Y.: Routledge, 2013. — 208 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balashova L.V. Russkie rechevye zhanry: monografiya [Russian Speech Genres: monograph] / L.V. Balashova, V.V. Dement'ev. — M.: ID YASK, 2022. — 832 p. [in Russian]
2. Boldyrev N.N. Kategoriya podlezhashchego s prototipicheskoy tochki zreniya [The Category of the Subject from the Prototypical Point of View] / N.N. Boldyrev // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. — 2002. — No. 3. — p. 71-84 [in Russian].
3. Drygina YU.A. Rerezentaciya frejma «Upravlenie» glagol'nymi leksemami sovremennogo anglijskogo yazyka [Representation of the Frame "Management" of Verbal Lexemes of the Modern English Language]: abst. dis. ... of PhD in Philology: 10.02.04 / Drygina YUliya Anatol'evna. — Belgorod, 2007. — 22 p. [in Russian]
4. Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind* / G. Bateson. — N. Y.: Ballantine Books, 1972. — 541 p.
5. Creed W.D. A Picture of the Frame: Frame Analysis as Technique and as Politics / W.D. Creed, J.A. Langstraat, M.A. Scully // *Organizational Research Methods*. — 2002. — Vol. 5 (1). — P. 34-55.
6. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R.M. Entman // *Journal of Communication*. — 1993. — Vol. 43 (4). — P. 51-58.
7. Entman R.M. Media Framing Biases and Political Power: Explaining Slant in News of Campaign 2008 / R.M. Entman // *Journalism*. — 2010. — Vol. 11 (4). — P. 389-408.
8. Entman R.M. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and US Foreign Policy* / R.M. Entman. — Chicago: University of Chicago Press, 2004. — 229 p.
9. Gamson W.A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach / W.A. Gamson, A. Modigliani // *American Journal of Sociology*. — 1989. — Vol. 95 (1). — P. 1-37.
10. Van Dijk T.A. *News as Discourse* / T.A. van Dijk. — N. Y.: Routledge, 2013. — 208 p.